

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
Институт литературы им.Т.Г.Шевченко

На правах рукописи

БРЮХОВЕЦКИЙ ВЯЧЕСЛАВ СТЕПАНОВИЧ

УДК 809

ПРИРОДА, ФУНДАЦИИ И МЕТОД ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Ю.01.08 – Теория литературы

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

К и е в - 1 9 8 6

Работа выполнена в отделе теории социалистического реализма Института литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Г.А.ВЯЗОВСКИЙ
доктор филологических наук, профессор Р.Т.ГРОМЯК
член-корреспондент АН СССР, профессор П.А.НИКОЛАЕВ

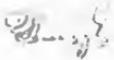
Ведущее учреждение - Институт литературы им.Янки Купалы
АН БССР /отдел теории литературы/.

Защита состоится " 12 " мая 1986 г. в " 10 " час.
на заседании специализированного совета Д 016 35 01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук при Институте литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР по адресу:
252601, Киев-1, ул.Кирова,4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР.

Автореферат разослан " " 1986 г.

секретарь
специализированного совета
филологических наук

 Р.С.МИЩУК

Интерес к теоретическим проблемам литературно-художественной критики в последние десятилетия заметно усилился. Особенно активизировало их разработку постановление ЦК КПСС "О литературно-художественной критике" /1972/, в котором были выдвинуты важные задачи, связанные с необходимостью дальнейшего развития теории социалистического реализма, углубления связей критики с жизнью, повышения ее роли в формировании идейно-эстетических запросов и вкусов читателя. Актуальность этих задач подчеркивалась и на XXVII съезде КПСС, где, во-первых, к критике были предъявлены справедливые претензии по поводу несоответствия многих ее оценок реальному состоянию литературы. Во-вторых, акцентировалась необходимость воспитывать "вкус к теории, умение владеть ленинской методологией анализа социальных процессов"¹.

В связи с этим насущной представляется необходимость более конкретного познания сущности критики, ее общественного статуса, а также "механизма" взаимоотношения художественного творчества и критики, воздействия критики на восприятие литературно-художественных ценностей, на их социальное функционирование. Концепция художественной культуры социалистического общества предполагает последовательное повышение социальной роли критики, более интенсивное соотнесение эстетических идей с актуальными жизненными проблемами, расширение двусторонней связи между художником и адресатом искусства. Здесь решающим является то, что сама критика не только выражает общественное мнение, но и формирует его, воспитывая читателя.

Таким образом, вопрос о специфике, функциях и методе литературно-критической деятельности, о ее месте в системе культуры требует дальнейшего всестороннего изучения. Ныне уже раскрыты "секреты" многих процессов восприятия художественного произведения и появления суждения о нем, сделано немало точных наблюдений над природой критики, зафиксированы ее основные сущностные черты. И все же специфика критики остается одной из наименее изученных проблем в теории литературы.

Сегодня, как никогда ранее в литературоведении, происходит интенсивное осмысление природы критики. В этом, кроме уже упомянутых факторов, находят свое выражение особенности современного

¹ Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС.— Правда, 1986, 6 марта.

состояния науки в целом: как известно, построение метатеорий характерно сегодня для самых разнообразных областей знания. Необходимость определения сущностных свойств литературно-критической деятельности, ее метода, средств, приемов, функций выступает как проявление этой общей закономерности. Как и всякая другая деятельность критика до известного предела может создаваться без теоретически осознаваемого применения конкретных средств и приемов. Однако, достигнув высокого функционального уровня, она усложняется настолько, что теоретическая расплывчатость, неопределенность понимания ее сущности затрудняют эффективное осуществление ее задач. Ведь для того, чтобы оптимально направлять развитие того или иного явления, необходимо четко представлять его природу.

Повышение общественной роли литературы и искусства в наше время также является одним из аргументов в пользу необходимости усиленного внимания к теоретическим и методологическим вопросам критики, к ее роли в художественном процессе, к формам влияния критики на общество, к специфике критического метода.

Все это и предопределяет актуальность темы, разрабатываемой в данной диссертации.

В исследованиях 70-80-х гг. критика уже рассматривается по преимуществу в совокупности ее особенностей - как целостный идейно-эстетический феномен. Нелишне напомнить, что сам статус критики на протяжении не одного столетия вызывает у многих художников сомнения в ее реальной необходимости и эффективности ее воздействия на литературно-художественный процесс. Такие представления /если не принимать во внимание оправданную неудовлетворенность общества самим уровнем критических суждений в определенные периоды/ основываются в большинстве своем на неправильном понимании сущности этого вида идеолого-эстетической деятельности. Ясно, что критика не может претендовать на равнозначимость с художественной литературой, поскольку она вторична по отношению к искусству. С другой стороны, знак равенства между критикой и наукой тоже весьма условен: публицистические задачи, постоянно выполняемые критикой, в значительной мере отражаются на специфике ее аналитических операций.

Противоречивость представлений о специфике литературно-критической деятельности выдвигает перед диссертантом задачу предварительного, рабочего определения ее сущностного начала и основной

функции. Оно позволит выявить иные, по сравнению с современными, формы функционирования критики на самых ранних этапах ее становления, проследить, как собственно критика вычленилась из других видов деятельности, от которых она первоначально была неотделима. Такой исходной гипотезой является понимание критики как способа социально-эстетической регуляции развития литературы и восприятия последней обществом.

Появившиеся в последние десятилетия коллективные труды, а также ряд монографических работ внесли много нового в разработку теоретических основ и методологических принципов литературно-критической деятельности. Правда, основное внимание исследователей сосредоточивалось на выявлении общего в критике и литературоведении, в критике и публицистике, в критике и художественной литературе. Все это способствовало накоплению конкретного материала, необходимого для обоснования взгляда на критику как на специфическое целостное явление.

Многие ученые с большей или меньшей определенностью отмечали, что односторонний подход к изучению природы литературно-критической деятельности уже изжил себя. Стало очевидным, что онтологические параметры литературной критики следует искать не столько опосредованно - в сопоставлении с другими видами творческой деятельности, сколько в осознании ее как собственно структурного целого. Это дает возможность избежать и крайностей односторонней трактовки природы критики, и эклектических представлений о ней.

Отсюда вытекает, что решение проблемы плодотворно лишь при комплексном исследовании критики как специфического проявления одного из развитых видов человеческого мышления, а также выявлении гносеологических и социологических основ функционирования ее в структуре общественного сознания. Именно такой подход, надо полагать, позволяет выделить конституирующие особенности литературно-критической деятельности. А это, в свою очередь, открывает путь к определению взаимозависимости функций и метода критики.

Следует исходить из того, что критика является не просто субъективной деятельностью, а неотъемлемым элементом человеческой культуры. Причем она несет именно ей присущую функциональную нагрузку, иными словами, на нее возлагается специфическая функция, которая не может быть успешно осуществлена какими-либо иными средствами. Однако наличие некоторых общих для многих видов твор-

ческой деятельности черт, при недостаточной разработанности теории и методологии критики, приводит к кажущейся неопределенности ее социально-эстетического статуса и порождает ошибочные представления с ее необязательности в системе художественной культуры. Подобные представления особенно усчитываются в периоды "критического безвременья", когда положительное воздействие критики на литературный процесс заметно ослабевает.

В действительности же критика всегда выполняет возложенную на нее роль, и вопрос лишь в том, насколько успешно она это делает, исходя из потребностей общества и самого искусства. Представить литературный процесс вне его критического осмысления и корректирования вряд ли возможно.

В своем историческом развитии литературно-художественная критика всегда более или менее тесно "сотрудничала", объединялась то с самим искусством слова, то с наукой о нем, то с публицистикой, а также впитывала в себя достижения философии, эстетики, этики и других родственных ей общественных наук. Найти точки сопряжения между ними в диахронном и синхронном "срезах", т.е. провести исследование и по исторической вертикали, и по типологической горизонтали - значит определить природу и структуру самой критики как целостного социально-эстетического явления и на этой основе выявить ее функции и метод. Такую цель и ставит перед собой автор реферируемой работы.

Для достижения этого необходимо решить следующие основные задачи: рассмотреть современные теоретические концепции природы литературной критики в соотнесенности с исторически изменяющимися представлениями об этом виде творческой деятельности; исследовать психологические особенности литературно-критического мышления; выявить специфику литературно-критического познания; вскрыть функциональный механизм воздействия критики на литературный процесс и на общество в целом; установить методообразующие факторы в литературно-критической деятельности.

Автор опирался в своем исследовании на обширный материал по вопросам теории и методологии литературно-художественной критики, содержащийся в трудах современных советских ученых В.И. Баранова, Б.М. Бернштейна, Ю.Б. Борева, А.Г. Бочарова, Б.И. Бурсова, А.С. Бушмина, Г.А. Вязовского, Р.Т. Громяка, И.А. Дзевекина, Б.Ф. Егорова, Л.А. Зеленова, М.С. Чагана, В.А. Коваленко, В.В. Кожинова, Г.И. Ку-

ликова, А.С.Курилова, В.Г.Лукьянова, М.А.Сапарова, Ю.И.Суровцева, В.Е.Хализева, Т.С.Щукиной и ряда других, а также на теоретические и историко-литературные исследования С.С.Аверинцева, В.Ф.Асмуса, М.Д.Бернштейна, И.В.Иванько, В.И.Крекотня, В.И.Кулешова, Ф.И.Лаврова, М.И.Мушинского, П.А.Николаева, Л.Н.Новиченко, Г.М.Сивоконя, П.М.Федченко, М.Б.Храпченко, М.Т.Яценко и других.

Методология и методы исследования. Методологической базой данного исследования является учение основоположников марксизма-ленинизма о закономерностях социального развития, об общественной роли литературы и культуры в целом, о законах человеческого мышления и познания.

Определяя природу литературно-художественной критики, диссертант использовал литературоведческие методы. Кроме того, в решении некоторых частных вопросов приходилось обращаться к методологическому и категориальному аппарату философии, психологии, эстетики и социологии.

Научная новизна. В данной работе впервые осуществлен комплексный анализ феномена литературной критики. Рассмотрение современных ее форм в соотнесении с исторически изменявшимися видами литературно-критической мысли в культурах различных эпох и народов позволило автору обнаружить повторяющиеся устойчивые "свойства" литературной критики. На этом основании выделена, как доминирующая, деятельная ее сущность, состоящая в идейно-эстетическом /по своему характеру/ и активно-преобразующем /по своей направленности/ воздействии на литературный процесс во всех его компонентах. В свете закономерностей психических процессов мышления критику, таким образом, можно рассматривать как частный случай практического /коммуникативно-прагматического/ вида, тесно связанного с двумя другими видами мышления - художественным и теоретико-научным. Литературная критика выступает как деятельность в сфере идеологических отношений, т.е. является специфической общественно-преобразующей деятельностью, и именно в данном качестве входит в теорию познания. С точки зрения социологии критике присуща определенная система основных функций - социально-регулятивной, эвристической и эстетико-аксиологической /при доминировании первой/.

Рассмотрение критики в соотнесении трех неотделимых друг от друга параметров - психологического, гносеологического, социоло-

гического – позволяет составить представление о ней как о целостном виде мышления и творческой деятельности. Такой подход ведет к определению метода критики, который выступает как аналог структуры самого критического произведения с его известными функциями, трансформирующимися в методологические установки.

Метод литературно-художественной критики, как частный, зависит от имеющего универсальный характер общефилософского метода, для марксистско-ленинской критики – диалектико-материалистического. Специфически же конкретные особенности частного метода, в нашем случае – литературно-критического, определяются динамической системой функций конкретной деятельности. Это важный момент понимания метода критики, поскольку последний должен обеспечивать "производство" искомого продукта деятельности, способного выполнять присущие данной деятельности функции.

Комплексный подход к феномену критики помогает построить своеобразную теоретическую "модель", где отражаются существенные закономерности литературной критики как вида творческой деятельности, что, в свою очередь, позволяет успешно, адекватно природе критики решать как сложные методологические проблемы, так и практические вопросы современного литературного процесса. Этим и определяется практическое значение диссертации. Результаты исследования могут использоваться при чтении вузовских курсов теории и истории литературной критики, в дальнейшем изучении природы литературной критики, а также психологии творческой деятельности вообще.

Апробация. Материалы исследования докладывались на заседании Ученого совета Института литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР /1982/, на заседании Бюро Отделения литературы, языка и искусствования АН УССР /1982/, на республиканской научно-теоретической конференции "Комплексный подход к изучению художественной культуры" /Киев, 1982/, на заседании секции психологии искусства Украинского отделения Общества психологов СССР /1984/, на всесоюзной конференции "Ленинский принцип партийности искусства и современность" /Запорожье, 1985/. По теме диссертации напечатано 28 работ, из них 3 вышли отдельными изданиями. Список публикаций, общий объем которых превышает 45 а.л., прилагается.

Цель и задачи исследования определили структуру диссертации, состоящей из введения, трех глав и заключения.

Во Введении анализируется состояние научной разработки проблемы, обосновывается актуальность, цель, задачи, а также методологические принципы реферируемого исследования. Определяется научная новизна и практическое значение работы.

Первая глава диссертации - "Природа литературно-критической деятельности" - включает в себя три раздела /"Социально-эстетический феномен критики", "Современные формы выражения", "Исторические видоизменения"/. В ней рассматриваются разнообразные формы проявления литературной критики как целостного социально-эстетического явления. При этом автор исходит из посылки об онтологическом "родстве" литературной критики и собственно художественного творчества - первая возникла в недрах второго. Причем функциональное размежевание внутри художественной деятельности, появление критики как таковой вызывалось известными общественными потребностями, удовлетворить которые была призвана именно она.

Возникла некая деятельность со своими специфическими функциями в обществе. Логично предположить, что первоначальной функцией ее должна была стать оценка художественных произведений в соответствии с духовными потребностями той или иной группы людей. Однако поиск генетических линий литературно-критической деятельности усложняется тем, что долгое время она осуществлялась в формах так называемой протокритики, весьма отличающихся от форм современной критики. Во всяком случае, до появления массовой прессы, в которой ныне главным образом и реализует себя критика, она распространялась по совершенно иным коммуникативным каналам, ставшим теперь второстепенными, - эпистолярные жанры, сами художественные произведения, публичные выступления, обсуждения и т.п.

Внешний сугубо эстетико-аксиологический характер протокритики, с одной стороны, как бы позволял утаивать более существенные цели, преследуемые ею /к примеру, у Платона - направленность на решение этических задач/, а с другой - давал возможность получать результаты, выходящие за пределы собственно эстетической оценки /обоснование теории "идеального государства" у того же Платона/. Впрочем, это в известной мере относится и к критике современной.

Литературно-художественная критика в нынешнем ее понимании является относительно молодой областью творческой деятельности. Только начиная с XVI века - времени появления периодических изданий - критика постепенно выделяется в профессию, цель которой со-

стоит не просто в оценке художественного произведения, но и в осуществлении своеобразного и многоопосредованного "контроля" за художественной жизнью в соответствии с выработанными обществом ценностными ориентациями. Она превращается в интеллектуальное осознание культуры после длительного периода вызревания, на протяжении которого вырабатываются критические принципы, "когда критика еще не является собственно критикой, когда она еще не имеет "чистого" критического голоса и выступает, как правило, в сочетании с наукой или литературой как искусством слова"¹.

В некоторых современных работах, посвященных изучению природы литературно-критической деятельности, порой за исходную точку принимается какое-либо определение критики, наполненное не всеобщим, а конкретно-историческим содержанием. Диссертант на примерах подобного подхода к афористическим высказываниям В.Г.Белинского /"движущаяся эстетика"/ и А.С.Пушкина /"наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы"/ показывает неубедительность попыток модернизированного истолкования такого рода дефиниций. Ведь при этом недостаточно учитывается конкретно-социальная обусловленность задач самой критики и даже ее форм, проявляющихся в разные эпохи по-разному. В таких определениях, как правило, имеются в виду лишь отдельные атрибутивные, исторически изменяющиеся признаки критики.

Во многих теоретических работах последнего времени подчеркивается необходимость определения в первую очередь именно конституирующего начала критики. Думается, это начало следует выводить не из программных деклараций, поскольку они часто являются отражением преходящих потребностей текущего литературного процесса, а из реальности как осмысления самого этого процесса, так и результатов влияния на него критики. Специфику же последней можно определять лишь в исторически детерминированных координатах идейно-эстетической жизни общества. Логично предположить, что присущая литературно-художественной критике конституирующая сущность должна обеспечивать и выполнение критикой ее функций, и предельную чуткость к оперативному воздействию актуальных идеологических ценностей.

Поэтому подлинная природа критики проявляется только при сочетании синхронного и диахронного анализа ее функционирования в

¹ Коваленко В. Что есть критика. - Неман, 1977, № 1, с.168.

обществе. Синхронность позволяет определить актуальные в настоящее время свойства исследуемого явления, а диахронность – выделить в многообразных, исторически изменчивых формах критики то, что повторяется в разные эпохи. При таком двуаспектном подходе и удается зафиксировать конституирующие признаки литературно-критической деятельности.

Диссертант рассматривает основные современные точки зрения в советском литературоведении на природу литературно-критической деятельности, что позволяет выявить реальное понимание обществом сложной роли критики в эстетическом осмыслении и преобразовании действительности.

Представление о критике как о разновидности литературно-художественного творчества имеет не слишком много приверженцев, хотя своими корнями уходит еще в античность, когда, действительно, сами процессы творчества и восприятия его, суждения о нем были в общем-то нерасчленены. Не получив четкого теоретического обоснования, данная точка зрения опирается на соотносимость образных высказываний в языке критика с художественным языком писателя, на отождествление процессов эстетического созидания и эстетического восприятия либо художественного и критического методов, а то и на понимание критики исключительно как самовыражения творческой личности. Однако "литературность" – как необходимое требование к критическому произведению – вовсе не вводит последнее в какой-либо из литературных видов. Чрезмерный акцент на этой литературности, как качественной характеристике критики, привел отдельных исследователей и критиков-практиков к мысли о наличии по крайней мере некоего вида современной критики, вполне соотносимого с художественным творчеством или вообще тождественного ему. Однако критика, подчеркнута демонстрирующая ассоциативность стиля, как бы ограждающая себя от прямой оценочности суждений, не стремящаяся влиять на духовную атмосферу общества, является, с одной стороны, всего лишь своего рода "паралитературой", а, с другой, – ни чем иным, как скрытой оценкой.

Порой отождествление критики и художественной литературы направлено на опровержение примитивного представления о якобы лишь служебной роли критики в литературном процессе. При этом предполагается, что главным в ней выступает не аналитическое начало, а построение собственной критической реальности, даже независимой

от реальности художественной. Преувеличение роли фактора генетического родства критики с искусством слова приводит к неоправданному выводу об их тождественности. Естественно, связи здесь существуют, но только на уровне эстетического восприятия.

Наиболее распространен взгляд на природу критики, согласно которому она — составная часть литературоведения. Такое понимание критики концептуально четко проводится в трудах многих советских ученых. Впрочем, следует оговориться, существуют известные трудности в определении круга сторонников той или иной концепции. Одни исследователи периодически уточняют или изменяют свое представление о природе критики. Другие, стараясь отметить все ее атрибутивные признаки, в разных работах выделяют здесь элементы то художественного, то теоретико-научного мышления, сочетая их порой в своеобразном "синтезе".

Причисляя критику к научным дисциплинам, очень заманчиво было бы найти ее место между теорией и историей литературы. Ведь теория дает критике уже выработанный инструментальный анализ; из истории она черпает разнообразные сведения и сама дает материал для будущих исследований. Однако здесь налицо лишь разные качественные выявления исследовательской мысли. Критика не рассматривает известный период литературного процесса в целом, как это делает история литературы, и не ориентируется только на явления выдающиеся или в чем-то показательные, что характерно для теории литературы, а в первую очередь обращается к произведениям, актуализированным теми или иными социально-эстетическими потребностями общества. В отличие от истории, рассматривающей литературу в сложившемся культурном контексте эпохи, критика сама прежде всего влияет на формирование этого контекста.

Источником критики является современный литературный процесс со всеми его социально-эстетическими детерминантами. Критика возникает в нем, питается его насущными проблемами и идеями. Источник литературоведения лежит в иной интеллектуально-духовной сфере — в научной деятельности общества, система функций которой имеет явно выраженную эвристическую направленность. Критика же, как правило, не ставит перед собой цели исчерпывающе объяснять, истолковывать. Одна из основных ее задач состоит в определении современной значимости художественного произведения, в создании вокруг него информационного эстетико-аксиологического поля — в соответствии с соци-

альными запросами общества. Этим выводом вовсе не отрицается важность научных критериев анализа в критике. Недооценка их приводит либо к непониманию, либо к искажению истинных целей критической деятельности.

Понятно, что критика, не вооруженная передовой методологией, теряет надлежащую ей роль в литературном процессе. Однако непременность, изменчивость оцениваемой идеолого-эстетической ситуации, необходимость формировать ее, а не просто объяснять, специфически-определяющим образом влияет на деятельность литературного критика, обуславливает качественную специфичность его подхода к литературе, отличает его от ученого-литературоведа.

Начиная с 70-х годов, в советском литературоведении довольно активно утверждается представление о критике как о виде публицистического творчества. В большей или меньшей степени подобную точку зрения разделяют В.И.Баранов, А.Г.Бочаров, Н.С.Гаранина, В.М.Горохов, В.И.Здоровага, М.Г.Зельдович, В.Я.Канторович, Е.П.Прохоров, Ю.И.Суровцев и др. Публицистические установки, характер аргументации, некоторые общие функциональные черты еще не дают оснований рассматривать критику как одно из жанровых ответвлений публицистики. Любая человеческая деятельность опирается на первичные установки - познавательную, практически-утилитарную и эстетическую. Критика надстраивается над эстетической установкой, а публицистика - над практически-утилитарной. Критика всегда говорит о художественном явлении на основе эстетического переживания, что отличается от восприятия действительности публицистом. Причем само эстетическое восприятие следует рассматривать не альтернативно /есть - нет/, а проградентно /больше - меньше/. Даже отказ от эстетического анализа есть своеобразное проявление эстетического восприятия - на соответствующем уровне.

Односторонность упомянутых подходов к определению природы литературно-художественной критики, более или менее осознаваемая, нередко склоняет исследователей к рассмотрению ее как специфического синтеза нескольких видов деятельности. Такой подход является, с различной степенью последовательности, в работах А.И.Белецкого, Ю.Б.Борева, В.И.Гусева, М.В.Доленго, К.П.Курсакаса, Ф.Ф.Кузнецова, В.Я.Лакшина, Д.С.Лихачева, А.А.Михайлова и др. При этом критика рассматривается как некая синтетическая деятельность, что чаще всего приводит к выводу о сочетании в литературной кри-

тике научного и художественного творчества.

Однако вряд ли возможно выяснить специфику критики на основе констатации сосуществования в ней элементов и науки, и искусства. Ведь они в целостном акте человеческого мышления не дифференцируются, а взаимодействуют друг с другом. Таким образом, необходимо определять своеобразие подобного "сцепления", выделять значимые связи между этими элементами. Именно качественная характеристика таких связей позволяет выявить природу и науки, и искусства, и критики. Поэтому все чаще главный акцент в различных исследованиях делается не на научных или художественных элементах, а на некоей сверхзадаче критики, соотносимой не только со средствами ее решения /т.е. с научным и художественным методами/.

Вполне логично представить эту сверхзадачу публицистически злободневной, обусловленной социально-эстетическими потребностями текущего момента. В последние годы весьма активно разрабатывается /в частности, И.В.Кондаковым/ концепция критики как своеобразного "комплекса" науки, литературы и публицистики. При этом характерны попытки не просто отделить критику как от науки о литературе, так и от самой литературы, но и, учитывая наличие в ней и научных, и художественных элементов, рассматривать ее как функциональную часть журналистики. Однако здесь не принимается во внимание, что критика взаимодействует с журналистикой прежде всего на основе интенсивного использования каналов массовой коммуникации, которые являются наиболее удобными для осуществления ею своих функций. Поскольку целостный феномен и при таком подходе не "вырисовывается", исследователи /Б.М.Бернштейн, М.Голашевская, Р.Т.Громяк, М.С.Каган, В.А.Коваленко, В.Кубилос, А.С.Курилов, П.А.Николаев, С.Х.Раппопорт, В.К.Скатерщиков, Д.В.Стариков и др./ все чаще говорят о критике как об особом виде деятельности, не сводимой ни к науке, ни к литературе, ни к публицистике, ни к какому-либо сочетанию их качеств.

Выделение четырех основных концепций природы критики - 1/ искусство слова, 2/ наука, 3/ публицистика, 4/ синтез нескольких видов деятельности, - разумеется, не обозначает нюансов в каждом из них. "Внутри" эти подходы к критике далеко не однородны - представления, скажем, о художественном или публицистическом характере критики порой весьма неодинаковы даже у исследователей, стоящих, по предложенной диссертантом классификации, на одной позиции.

Часто, сосуществуя в известный исторический период, разные концепции критики взаимодополняют одна другую, на практике даже сочетаясь, а не взаимоотталкиваясь. Все это еще более настоятельно требует - в дополнение синхронного подхода к определению природы литературно-художественной критики - произвести диахронное исследование по исторической "вертикали", т.е. проследить пути тех видоизменений, в которых критика обрела свой современный статус.

Для этого в истории социокультурного развития человечества необходимо выделить фактор, благодаря которому в различных формах выражаемая литературно-критическая мысль функционирует на только ей присущей основе как социально и исторически детерминированный институт. Если можно выделить качественно-своеобразный вид литературно-критического мышления /и если он не проистекает непосредственно ни из научного мышления, ни из художественного постижения действительности, ни из публицистического вмешательства в нее/, - это его доминирующее качество должно выявляться и в онтогенезе критики как творческой деятельности.

Диссертант рассматривает ряд этапных моментов в историческом развитии критики как социального института, начиная со времен активного формирования, функционирования фольклора и "фермента" критичности в нем.

Необходимость отбора лучших вариантов фольклорного произведения, корректировки, уточнения его по содержанию и по форме в соответствии с конкретными социально-эстетическими, ценностными установками можно уже рассматривать как еще не оформленный соответствующим образом, но очевидный контроль общества или какой-то группы людей над устным народнопозитическим творчеством, т.е. как выполнение критической функции.

Опираясь на исследование по истории древнегреческой, древнеримской литературной критики и философско-политической мысли, автор диссертации стремится показать, в каких специфических формах выразились литературно-критические суждения этого периода. Они, как известно, бытовали в античной поэзии, философии, риторике и даже в политических трактатах. Такого рода критика отличается и по способам выражения, и по условиям, в которых она функционировала, и по аксиологическим и гносеологическим акцентам, но в сущности своей, по своим задачам и целям, она вполне соотносима с критикой нового времени.

Развитие литературно-критической мысли вело ко все более четкому и последовательному выделению ее как специфического социального института. Это характерно и для отечественной, и для зарубежной культуры, хотя в разных литературах данное "обособление" критики хронологически не совпадает.

Весьма своеобразным было, скажем, становление украинской литературно-критической мысли, протекавшее неравномерно, то усиливаясь вследствие активизации общественной и литературной жизни, то почти замирая в периоды культурной анемии, вызываемой конкретными историческими обстоятельствами.

Статус критики как социального института коренным образом меняется с распространением периодической печати, когда она утверждается и функционирует на стыке журналистики, художественного творчества и научного анализа. Характерно, что на протяжении всего своего развития критика сохраняет структурную целостность, однако содержательно наполняется по-разному. Это и вызывает многочисленные попытки опосредованного, сравнительного определения ее сущности.

Не претендуя на исчерпывающее освещение исторического пути формирования критики, диссертант, на основании анализа процесса "вращения" критических элементов в другие виды творческой деятельности, приходит к выводу, что критика всегда имела не только специфический предмет познания, но и отличалась по цели, направленности, характеру мыслительных операций и от науки о литературе, и от литературы, и от публицистики. В этом плане данные и исторического экскурса, и анализа современных концепций критики доказывают справедливость предположения об изначальном существовании ее как целостного явления в системе культуры, а со временем - и как определенного социального института.

Вторая глава диссертации - "Конституирующая основа литературной критики" - состоит из двух разделов /"Психологические особенности" и "Гиссеолого-социологические возможности"/.

Весьма важным представляется изучение особенностей литературно-критического мышления как целостного процесса.

Качественные характеристики его определяются спецификой мыслительных операций, что позволяет ставить вопрос о соотносительности этого процесса с одним из известных видов мышления.

Как уже указывалось, поиски специфической основы литератур-

ной критики либо посредством отнесения ее к научной, художественной, публицистической деятельности, либо – абстрактно-теоретического сочетания их в некоем "синтезе", нередко носящем эклектический характер, не приводят к положительному решению проблемы.

Точно так же изучение истории самой критики подтверждает, что ни элементы научных обобщений, ни образность изложения, ни публицистичность не были, так сказать, специфическим признаком литературно-критического мышления на всех этапах его развития. Литературной критике нередко присущи своеобразные формы, не характерные для упоминавшихся ранее трех видов творческой деятельности. Тем более не совпадает критика ни с наукой, ни с литературой, ни с публицистикой по задачам и целям, а ведь именно это решающим образом сказывается и на психических процессах мышления, обеспечивающих литературно-критическую деятельность, на ее функциональных обязанностях и методе.

Во всякой человеческой деятельности можно условно вычленить, с одной стороны, сам психический процесс мышления, а с другой – совокупность целей, средств и результатов действий. Первое позволяет обнаружить психологическую основу исследуемого явления, второе – его гносеологические и социологические параметры. Именно такой двuasпектный подход обеспечивает не только постижение психологической и гносеологической основ литературно-критической деятельности, но и раскрытие ее функционального механизма.

Еще И.Я.Франко в своем известном трактате "Из секретов поэтического творчества" /1898/ наметил весьма продуктивный путь решения проблемы видовой определенности литературной критики: "Каждый, кто пишет, делает это с намерением передать, внушить другим какие-то мысли, чувства, представления, но только один пользуется для этой цели поэтической формой, другой – научной аргументацией, третий – критикой"¹.

Как видим, И.Я.Франко говорил о трех формах передачи мыслей, чувств, представлений. Тем не менее, подавляющее большинство концепций, в которых определяется сущность литературной критики как мышления и деятельности, сводится прежде всего к вопросу о принадлежности ее либо к науке, либо к искусству слова /это в немалой степени характерно и для концептуальных построений о публици-

¹ Франко И.Я. Из секретов поэтического творчества. – М.: Искусство, 1967, с.62.

стической природе критики/.

Как бы там ни было, попытки обнаружить сущность критики и ее связь с другими областями познания в пределах наиболее изученных психологией видов мышления /художественное и теоретико-научное/ не дают убедительных результатов. На эмпирическом уровне сторонники полярных концепций располагают достаточными доказательствами "в свою пользу", но построить целостную систему ни одним, ни другим до сих пор не удавалось.

Очевидно, это вызвано тем, что, рассматривая целостность человеческого мышления, исследователи часто учитывали преимущественно лишь два из трех компонентов психического – чувство и интеллект, игнорируя третий – волю. Однако человеческой психике, в зависимости от динамической функциональной структуры способностей, присущи три развитых вида мышления: художественный, теоретико-научный, практический.

Опираясь на результаты исследования человеческого мышления как целостного явления и взаимосвязи упомянутых трех его видов /в частности, на работы советских психологов Б.М.Блюменфельда, Г.С.Костюка, А.Н.Лесотьева, С.Л.Рубинштейна, Б.М.Теллова, А.Н.Ткаченко и др./, диссертант под этим углом зрения рассматривает и особенности литературно-критического мышления.

Определяющими в мышлении являются законы контекстуального взаимодействия, взаимосвязи единиц психического, а не их качественное различие. Целостность человеческого интеллекта предполагает единство основных механизмов мышления, нерасчлененность трех главных компонентов психического – чувства, интеллекта и воли. Другое дело, что в пределах этого единства, в зависимости от условий и направленности мыслительных процессов, дифференцируются разные виды мышления, которые и можно разделять как отличающиеся друг от друга продукты единой человеческой психики.

Таким образом, взаимопроникновение единиц передачи информации, функциональных единиц, познавательных процессов, а также связь со всеми сферами психики присущи каждому развитому виду мышления. Каждый из элементов мыслительных процессов в любом из видов мышления выступает как обязательно необходимый. Каждый из них может функционировать, выполнять свою роль в мышлении человека только при том условии, что отсутствуют два других – они взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Однако, выступая

составной частью структурного целого, каждый из этих элементов в различных видах мышления обнаруживает неодинаковые качества. Последние, как известно, определяются не только внутренне и изначально присущими свойствами, но характеризуются и спецификой взаимодействия и соподчинения с другими элементами мышления.

Игнорирование этого момента вызвало ошибочное представление о практическом виде мышления как "низшей", простейшей форме мыслительной деятельности.

Правда, существуют здесь и сложности иного порядка. Даже сейчас, когда психологами доказана неправомерность умаления значимости практического мышления, сугубо психологическая терминология представляется для литературоведения не весьма приемлемой. Поэтому целесообразно, как это делают эстетики, употреблять при изучении природы литературно-художественной критики термин "коммуникативно-прагматическое мышление"^I, избавленный от побочных значений обыденно воспринимаемого понятия "практический".

Коммуникативно-прагматическое мышление следует рассматривать как частное проявление практического мышления. Что касается известного смыслового акцента на прагматизме, то не должно складываться представление о безбрежности и неконтролируемости его. Ведь коммуникативный характер любой регулятивной информации как обязательное условие предполагает приемлемость для адресата такой информации. Ее содержание детерминировано конкретными социальными запросами.

Художественное мышление, как объект исследования, привлекало особое внимание теоретиков. И можно с достаточной четкостью проследить, как противопоставление его другим видам мышления постепенно сменялось представлением о диалектическом их единстве, в котором видовые отличия определяются различными доминантами информационно-функциональных единиц.

Стойкая традиция к разграничению художественного и теоретико-научного мышления /практическое в значительной степени просто игнорировалось/ длительное время преобладала в высказываниях и теоретических концепциях психологов. Затем пристальное внимание было обращено на понятийные элементы в художественном мышлении. Роль доминанты в нем выполняет образ, однако он тесно связан с

^I См.: Ермаш Г.Л. Искусство как мышление. - М.: Искусство, 1982, с.237.

понятием. Формула "художник оперирует образами, а ученый - понятиями" на поверку оказалась своеобразной метафорой. Конечно, образ - главная функциональная единица в художественном мышлении, но отнюдь не единственная.

Постепенно все более четким становилось и теоретическое осознание того, что известную роль в деятельности художника играют также элементы практического мышления. Она не может осуществляться вне включенности интеллектуальных и коммуникативно-прагматических моментов психического, хотя те и другие выполняют в данном случае подчиненную доминантам художественного мышления роль.

Все виды мышления фактически неотделимы, но необходимо учитывать социальные условия, "заставляющие" человеческий мозг активизировать элементы то теоретико-научного, то художественного, то коммуникативно-прагматического мышления. Точнее, речь идет не о некой автономной активизации определенных мыслительных элементов, а об изменении динамической структуры их в процессе мышления.

Именно это позволяет понять сущность и динамические характеристики взаимосвязи различных видов мышления. Отделять одни их элементы от других, представлять их в некоем "снятом" виде можно только в научной абстракции - для удобства анализа психических характеристик самого мыслительного процесса. В действительности же каждый вид мышления представляет собой сложный комплекс взаимопроникновения единиц передачи информации, функциональных единиц, познавательных процессов каждый из видов связан со всеми сферами психики; всякий раз, однако, определяющая для данного вида мышления категория доминирует.

Эти зависимости позволяют сделать вывод, что суждение И.Я. Франко о трех разных видах передачи "мыслей, чувств, представлений" верно лишь в самом общем смысле - как фиксация проявления трех целостных видов мышления. Нет сомнения, что они тесно взаимопереплетены. Поэтому, когда мы вычленим коммуникативно-прагматическое мышление, то вовсе не отграничиваем его ни от элементов художественного, ни от элементов теоретико-научного мышления, но получаем возможность рассмотреть критику прежде всего на присущей ей основе, а не только в сопоставлении с другими видами деятельности.

В работах последних лет, посвященных различным проявлениям

практического мышления, утвердилась точка зрения на сложнокомпонентный его характер. Диссертант на конкретном историко-литературном и современном материале выделяет своеобразные черты критики /решение злободневных идеолого-эстетических задач, оперативность, формирующая направленность на литературный процесс/, позволяющие рассматривать ее как проявление коммуникативно-прагматического /практического/ вида мышления.

Удачное соотнесение на теоретическом уровне критики именно с практической областью познания принадлежит польскому теоретику М.Голашевской. Она, правда, сделала это лишь попутно, но уместно предостерегла от упрощенного понимания практического мышления: "Практическое познание не является касающимся только наших действий, ни таким, что рассматривает способы выполнения действия, - оно специфическое, дающее нам иное знание о действительности, нежели познание теоретическое" ¹.

В литературной критике как в проявлении коммуникативно-прагматического мышления доминирует специфическая функциональная единица - действие, т.е. стремление к социально и эстетически значимому изменению литературного процесса. В критической оценке художественного произведения понятие и образ тесно переплетаются с действием, но вне доминанты именно последнего критика не осуществляется.

Конечно, весьма сложным является вопрос об эстетической адекватности восприятия художественных произведений и о связанных с этим "объективных" ошибках критики, чему в диссертации уделяется особое внимание.

Анализ и обобщение опыта известных критиков позволяет сделать вывод, что самой важной чертой каждого из них является нацеленность на актуальные для своего времени социально-эстетические проблемы. Конечно, при этом критик должен выверять свои симпатии и антипатии и непреходящими ценностями, однако прежде всего он имеет в виду злободневный общественный и эстетический потенциал произведения.

Критическому таланту присуща способность чувствовать и прогнозировать перспективные направления социально-эстетической мыс-

¹ Gołaszewska M. Filozoficzne podstawy krytyki literackiej.-
Warszawa: PWN, 1963, s.253.

ли, к которой еще только исподволь склоняется общественное мнение. Причем в процессе конкретизации и утверждения определенных идей критик постоянно уточняет свои представления, иногда даже изменяет их, если того требует ситуация.

Активно-преобразовательный характер своего творчества подчеркивали все выдающиеся критики. А.В.Луначарский, в частности, отмечал, что критик наделен особым талантом, ибо, как читатель, он всем сердцем жаждет "как можно скорее претворить художественные красоты в жизненные подвиги"¹. Это как раз и является основной коммуникативно-прагматического мышления. Еще Гегель, рассматривая особенности практического духа, подчеркивал его преимущественно действенный, а не созерцательный характер².

Действительно, такого рода деятельность требует специфических способностей. Практическое мышление протекает в условиях ограниченного времени для осмысления объекта во всех его многогранных связях. Еще одна важная черта практической мыслительной одаренности человека состоит в умении работать в сложных условиях "стихии опасности" /Б.М.Теплов/, или, учитывая образность высказывания, "критической авантюры" /А.Г.Горнфельд/.

Причем психологическая целостность практического таланта /как, впрочем, и любого другого/ исключает неполный, случайный "набор" отдельных, пусть и ярко выраженных, элементарных способностей и черт характера. Например, аналитичность мышления - очень важное условие литературно-критической одаренности, но вне сочетания с выразительным гражданским темпераментом она не становится собственно литературно-критической способностью.

Критика потому и дает знание, отличное от литературоведческого, что она в значительно большей степени опирается на жизненный и ситуативный контекст конкретного периода литературного развития.

Однако, как ни важна для критика ориентация на практику, ее одной, естественно, недостаточно для квалифицированной литературно-критической деятельности. Лишенные научной основы или отмеченные эстетической глухотой литературно-критические суждения

¹ Луначарский А.В. Мысли о критике. - В кн.: Луначарский А.В. Статьи о литературе. - М.: Гослитиздат, 1957, с.125.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук: ч.3. Философия духа. - Соч.: В 14-ти т. М., 1956, т.3, с.283.

могут - аксиологически - приобретать совсем противоположное значение, в то же время оставаясь более или менее влиятельным фактором литературного процесса.

Именно поэтому для критика жизненно необходима методологическая вооруженность. Элементы коммуникативно-прагматического мышления в критике преобладают, но вовсе не подавляют элементов теоретико-научных. Более того, первые не могут эффективно применяться вне опоры на вторые - отсутствие их и приводит к критическому своеволию, к субъективизму.

Иное дело, что практическая потребность заставляет критика оперативно "снимать проблему" там, где теоретическое ее решение еще невозможно в данное время. В том и сила литературно-критического таланта, что опорой для него служат тонкое эстетическое чутье и основательные научные знания, умение ориентироваться в литературном процессе как своеобразном проявлении общественной жизни, а главное - передовое, подлинно научное мировоззрение.

Итак, критика имеет собственную специфику, но вместе с тем она не отгорожена ни от теоретико-научного, ни от художественного мышления. Ведь и в мышлении конструктора, как мышлении практиком, не отбрасываются научные и образные элементы. Это можно сказать и о мышлении военачальника, инженера, шахматиста, педагога и т.д. Попытки же сочетания разных методологических подходов к определению критики только путем сравнения ее с наукой, искусством слова, публицистикой и выделения таким образом реально наличествующих в критике, но специфически-определяющих только для других видов деятельности черт не ведут к целостному пониманию ее конституирующей основы, оставляют нерешенным вопрос о качественном своеобразии собственно критики. В то же время, следует еще раз подчеркнуть, критика вовсе не противостоит художественному и теоретико-научному видам мышления; альтернатива в данном случае была бы результатом формально-логического, а не диалектического подхода к решению проблемы.

Рассматривая критику как проявление коммуникативно-прагматического мышления, можно правильно понять сущность социального эффекта не только социолого-публицистической, но и научно-аналитической и художественно-эстетической критики /разумеется, деление критики на такие разновидности не носит абсолютный характер/. Важен не материал, из которого "строятся" критические суждения

/критика имеет высокую социокультурную адаптивность/, а результат их влияния на литературный процесс. На первый план выдвигается формирование контекста культуры /в широком понимании/, а более конкретно - коммуникативно-прагматическое регулирование литературного процесса. При этом, естественно, каждая из типологических разновидностей критики делает определенный вклад и в науку, и в само искусство слова. Просто в разные периоды удельный вес этого "побочного" для критики как деятельности, но ожидаемого от нее вклада может быть разновелик.

По мнению диссертанта, критика является структурно сложным самостоятельным видом социально-эстетической деятельности. С точки зрения психики мыслительных процессов элементы художественного и теоретико-научного мышления выполняют в данном случае подчиненную доминантам коммуникативно-прагматического мышления роль. Объединяются же они на основе эстетического восприятия.

Важная методологическая посылка для выяснения гносеолого-социологических возможностей критики содержится в работе В.И.Ленина "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?". Комментируя осуществленный К.Марксом анализ закономерностей общественного развития - и развития культуры в частности - как естественно-исторического процесса, законы которого независимы от воли, сознания и намерений людей, В.И.Ленин отмечал: "Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление"¹.

Это прежде всего и необходимо учитывать, определяя гносеологические возможности литературной критики, ее связь с практикой и духовной деятельностью. Следует непременно иметь в виду то, что критика выступает и как регулятор, и как результат функционирования искусства в обществе. Причем примат художественного произведения для нее иллюзорен. Конкретно-исторические общественные требования, в значительной степени "внешние" по отношению к самому этому произведению, играют важную роль в критических оцен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 166-167.

ках и интерпретациях. Следует, правда, оговориться, что не всякий раз положительную – в смысле адекватности эстетического восприятия. Нарушение динамического равновесия эстетики и идеологии, как правило, приводит к неоднозначным для литературного развития последствиям. Показательным примером здесь, в частности, может служить оценка творчества А.С.Пушкина Д.И.Писаревым.

То, что критика всегда сверяет свои оценки с идеологическими императивами времени, несомненно. Однако в какой же плоскости может состояться этот "двунаправленный переход" – от эстетического феномена к рационально-словесной интерпретации его и от идеологических требований к социально и эстетически значимой оценке?

Как известно, общественное бытие изменяется практической /материально-производственной и социально-преобразующей/ деятельностью. Однако сама практика рассматривается в двух смыслах, как понятие и как философская категория. Первое трактуется достаточно широко – как любое преобразование субъективного в объективное. В понятии практики всегда можно выделить две стороны: и практическую, и духовную. При понятийном определении практики все ее виды оказываются равнозначимыми, одноуровневыми.

Ядром практики в категориальном понимании является – как первичная – материально-производственная и социально-преобразующая деятельность, а деятельность духовная выступает в качестве вторичной. Иначе говоря, категория практики непосредственно соотносится с решением основного вопроса философии.

Процесс создания художественного произведения охватывается понятием практики. Но смешение значения слова и его философского, категориального содержания может привести к серьезным ошибкам. "Наряду с другими видами человеческой деятельности, – отмечает один из исследователей, – искусство представляет собой особый, специфический вид общественной практики. А это значит, что внутри этого рода практики мы должны иметь и имеем свой критерий, отражающий и вбирающий в себя всю ее специфику"¹. Отстаивая, казалось бы, резонную необходимость рассматривать художественное произведение в соответствии с определенным эстетическим идеалом, выступающим как критерий оценки, автор процитированных строк тем самым фактически отождествляет понятие практики с категорией практики.

¹ Кислов Б.А. О принципе партийности художественной критики. – Тр. Иркутск. ин-та нар. хоз-ва, вып. 4 /II/, с.244.

В диссертации на конкретном материале /в частности, восприятие критикой творчества А.А.Фета/ рассматривается несостоятельность представлений о наличии критерия оценки в самом искусстве и делается вывод, что регулирование литературного процесса осуществляется лишь при условии взаимопроникновения эстетических и внеэстетических, прагматических критериев оценки художественных произведений.

Этим вовсе не отрицается важность собственно эстетического идеала для литературно-критической оценки, но видеть его только "внутри этого рода практики", т.е. художественной практики, неправомерно.

Определенное время, однако, под социально-преобразующей деятельностью как практикой /в категориальном плане/ понимали только политическую деятельность, направленную на непосредственное преобразование общества. Деятельность же в областях иных идеологических отношений /религиозных, правовых, эстетических, нравственных и т.п./ исключалась из практики. При этом игнорировалось то, что "политические отношения /и деятельность в области этих отношений/ в гносеологическом смысле принципиально не отличаются от других идеологических отношений"¹. Все они, направляясь сознанием, выражаются в социальных поступках и материальных действиях людей, что выявляется в реальных отношениях, а не только в отражении их сознанием.

Марксизм не рассматривает практику как подчиненный момент, как низшую ступень в самом познании. Практика качественно отличается от познания, выполняя свою специфическую роль в движении мышления. И лишь поскольку она является источником познания и критерием истины, постольку включается в саму гносеологию.

В своей целостности литературно-художественная критика предстает как вполне определенный социальный институт, продукт которого получает преимущественно активно-действенный характер, а не только характер духовного освоения мира. Это вид социально-преобразующей деятельности, соотносящейся с духовной деятельностью, осуществляемой искусством и наукой о нем.

Предметное же свое выражение критика получает в деятельности общения, вызываемой необходимостью обмена разного рода информации-

¹ Бухалов Ю.Ф. К вопросу о содержании понятия практики.- Вестн. Харьк. ун-та. Сер. филос., 1965, вып. I, с. 48.

ей в общественной жизни. Такое общение не является стихийным, случайным. Ведь субъект при этом осуществляет коммуникативную деятельность, которая преследует известные цели определенной общности людей. Вне понимания качественного своеобразия целеполагания общения как деятельности не удастся выявить и своеобразие его гносеологических характеристик.

"Деятельное наблюдение" /А.С.Пушкин/ над литературой осуществляется на уровне актуально выделенных научных знаний, постоянно корректируясь ими. Но именно в практике литературно-критических оценок и интерпретаций сочетаются конкретно-чувственное /продукт предметно-образного, художественного мышления/ и абстрактное /продукт теоретико-научного мышления/, что и определяет возможность построения научных теорий и регулирования процесса художественного производства. Познание в критике направлено на действительное проникновение в объект, выявление его динамических характеристик, соотносимых с актуальными социально-эстетическими запросами общества.

Через специфически-эстетическое опосредование критикой общественных потребностей регулируется как процесс производства, так и освоения художественных ценностей. Реальная же неотделимость практической и духовной деятельности выявляет многогранную сложность связей науки, искусства и критики, взаимопереплетения и взаимодополнимости их функций.

Критика трансформирует социальный императив в требования с одной стороны, отвечающие природе эстетической деятельности, и, с другой, отражающие социально-психологический уровень эстетического сознания общества. Именно подобным образом она осуществляет свои социальные функции. Следует здесь только отличать их от определенных задач, решение которых обеспечивает реализацию функций социального института, но не подменяет ее.

С этим, по мнению диссертанта, связаны споры о поли- или монофункциональности социальных институтов. Сторонники первого взгляда вынуждены постоянно расширять круг функций - соответственно новооткрытым связям с общественной системой в целом. Сторонники второго - в разное время особо акцентируют какую-либо из функций.

Эти крайности согласуются, если говорить не о поли- или монофункциональности, а о динамической системе функций объекта,

доминанты и подчинения в которой зависят от конкретно-исторической социокультурной ситуации.

Системное исследование функций литературно-критической деятельности началось в 70-е годы. Постепенно преодолевались как неправомерность перенесения основной аналитической нагрузки на функцию неосновную /к примеру – на интерпретационную/, так и попытки построения функциональных систем эклектического характера /чаще всего в таких системах не различались функции и механизмы их реализации/.

В истории "отношений" критики к искусству доминантой оценки в разное время выступали гносеологический, социально-психологический и эстетический уровни понимания художественного произведения. А поскольку функция является выражением субъект-объектного отношения, то она выводится не только из свойств объекта, но также из потребностей и целей субъекта, определяющего степень важности каких-либо свойств объекта в конкретно-исторический момент. Это позволяет сделать вывод о том, что в функциональную систему литературно-художественной критики входят социально-регулятивная /соответствующая социально-психологическому уровню анализа/, эвристическая /соответствующая гносеологическому уровню/ и эстетико-аксиологическая /соответствующая эстетическому уровню/ функции.

Социально-регулятивная функция предполагает коррекцию процессов художественного творчества и восприятия искусства в свете актуальных общественных требований. Поскольку художественные ценности являются эффективным средством формирования сознания людей, общество всегда активно воздействует на литературно-художественный процесс и его восприятие – прежде всего через институт критики.

Эвристическая функция направлена на приращение нового знания, которое содержит в себе художественное произведение как акт специфического осмысления человеческого бытия. Эмоциональные и интеллектуальные процессы восприятия искусства через чувственную сферу психики трансформируются в осознание их /этих процессов/ результатов. Тем самым обогащается и эстетическая мысль, и понимание реальных общественных отношений, отражаемых в произведении искусства.

Эстетико-аксиологическая функция состоит в оценке художественных явлений по законам, внутренне присущим искусству. Этот ас-

пект литературно-критического суждения позволяет учитывать специфичность отражения действительности искусством.

Важным для правильного понимания функциональной системы литературно-критической деятельности является то, что ни одна из функций этой деятельности никогда не выступает обособленно, все они неразрывно связаны между собой.

Социально-регулятивную функцию, как ведущую в функциональной системе критики /что обусловлено природой данного вида творческой деятельности/, нельзя рассматривать вне двух других функций. Все они действительны только в органическом единстве. Качество литературно-критического суждения определяется, как и в психическом процессе мышления, функциональными доминантами.

Именно целостностью своих функций литературная критика вводит внешний по отношению к природе искусства момент социальной его регуляции в процесс эстетически значимой саморегуляции /разумеется - саморегуляции относительной/.

Механизмом же реализации функций критики выступают интерпретация, объяснение, репрезентация, прогностическая направленность оценок, коммуникативные возможности, редуцирование мыслительных процессов и т.п.

Таким образом, конституирующую основу литературно-критической деятельности следует рассматривать с двух точек зрения. В единичном проявлении она предстает, в своей психической данности, как выявление коммуникативно-прагматического /практического/ вида мышления, протекающего в условиях эстетического восприятия и эстетического переживания.

С другой стороны, философско-социологический подход к феномену критики позволяет сосредоточить внимание на объективном гносеологическом содержании и социальных функциях литературно-критической деятельности. В этом смысле критика - один из видов социально-преобразующей деятельности, которой осуществляются социально-регулятивная, эвристическая и эстетико-аксиологическая функции. Причем выполнение каждой из них предполагает как обязательное условие выполнение и двух других.

Третья глава диссертации - "Методологический аппарат критики" - посвящена выявлению специфики критического метода и основных методологических принципов критической деятельности. Эти вопросы и рассматриваются в двух разделах: "Метод" и "Партийность

как основополагающий принцип литературной критики".

Вопрос о специфике метода по праву принадлежит к первостепенным в теории и методологии литературно-художественной критики. Ведь, собственно говоря, подавляющее большинство дискуссионных проблем, возникающих в этих разделах литературной науки, связаны именно с пониманием метода критики.

Известная и в целом с достаточной точностью отражающая общий смысл категории метода дефиниция - способ достижения определенных результатов в познании и практике - вовсе не снимает трудности, не "срабатывает" автоматически, когда мы пытаемся конкретизировать понимание метода по отношению к какой-либо конкретной деятельности. Уже познанные закономерности любого явления составляют объективную сторону метода его познания, а определенные приемы и способы исследования и преобразования явления - субъективную сторону метода. Поскольку именно эти приемы и способы исследования наиболее активно выражают себя в методе как некоей рациональной системе, то "на поверхности метод выступает как что-то субъективное, как противопоставление объекту"¹. Субъект, опираясь на известную систему знаний, познает объект и преобразует его, преследуя свои цели.

Всякий специальный метод, как известно, основывается на методе общеполитическом. Последний же возникает в результате обобщения всех частных, специальных методов. Не совпадая ни с одним из них, он включает в себя все их содержательное богатство, - так всеобщее вбирает в себя особенное и единичное.

В системе диалектико-материалистического метода, как метода общеполитического, выделяются как наиболее важные /когда речь идет о гуманитарном познании/ принципы развития, взаимосвязей, историзма, всесторонности и партийности. В частном методе эти принципы трансформируются сообразно с конкретным содержанием объекта познания. Система знаний, как объективная сторона частного метода, преобразуется на основе общеполитического подхода в конкретные для данной науки методологические принципы.

Диссертант разделяет точку зрения тех ученых, которые считают, что метод является "аналогом" структуры продукта деятельности. поскольку он должен обеспечить производство данного продукта. И Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. - М.: Наука, 1973, с.80.

дукта. В структуре критического метода принципы-установки соотносятся с содержательными составляющими функциональной системы критики: социально-регулятивной, эвристической и эстетико-аксиологической.

Разумеется, каждый исторический этап социального и художественного развития выдвигает в качестве доминанты одну из трех структурных "составляющих". Тем самым изменяется динамическое соотношение и в структуре функций, и в структуре метода, но не сами эти структуры. Здесь важно выделять доминанту и учитывать конкретно-исторические изменения в ее связях с другими структурными составляющими.

Явление вульгарного социологизма, к примеру, возникло отнюдь не случайно - это была реакция на злободневную общественную ситуацию. Выдвижение в качестве доминанты художественного метода оценочного отношения к действительности в определенный период имело объективный, а стало быть, в известной мере и положительный характер, что обуславливалось реальными потребностями, целями и стремлениями людей конкретного общества. Однако принцип доминирования постепенно уступил место абсолютизации одной из "составляющих" структуры функций и метода. Хотя и это в данном случае означает не полное вытеснение "контрсоставляющих", а обеднение их, сведение к минимальной значимости. Поэтому даже такая абсолютизация не в состоянии полностью игнорировать целостность структуры метода. Функции выполняются все /иной вопрос - в какой степени?/, а диалектическое единство объективной и субъективной сторон метода позволяет преодолевать непомерное акцентирование какой-либо одной из структурных составляющих нерасчленимого целого.

Таким образом, метод литературно-художественной критики, динамическая функциональная система которой включает в себя социально-регулятивную, эвристическую и эстетико-аксиологическую функции как функции основные, имеет своим аналогом именно эту систему. То есть метод должен обеспечивать возможность достижения чeskomyx целей, строение его должно отвечать природе создаваемого продукта. Соответственно в структуре литературно-критического метода выделяются три установки - социально-регулятивная, эвристическая и эстетико-аксиологическая. Зависимости между ними отражают зависимости между основными функциями.

Даже преднамеренное игнорирование критиком какой-либо из

установок метода в пользу двух других не препятствует осуществлению соответствующей функции литературно-критической деятельности, ибо такого рода игнорирование уже само по себе целенаправлено - за ним стоят более или менее определенные, социально значимые цели литературно-критического выступления. Независимо от воли критика все функции выполняются, пусть даже с противоположным предполагаемому знаком оценки.

Диссертант на историко-литературном и современном материале /полемика между Д.И.Писаревым и А.В.Дружининым по поводу произведений А.С.Пушкина; между И.Я.Франко и А.Е.Крымским о рассказе Т.Галипа "Первые звезды"; дискуссия о положительном герое в послевоенной советской критике/ показывает, как реализуется социально-регулятивная установка критического метода в выделении актуальных для определенного времени понятий литературного процесса.

Сторонники отождествления критики с литературной наукой нередко абсолютизируют совпадение эстетико-аксиологической установки в структурах методов обоих видов деятельности. При этом представление о внеценности литературоведения как науки довольно аргументированно опровергается. Однако при аксиологическом отождествлении критики и литературоведения не учитывается, что в этих видах деятельности эстетико-аксиологическая установка как атрибутивная подчиняется различным конституирующим установкам. В одном случае - эвристической, в другом - социально-регулятивной.

На первый взгляд, еще более доказательны исследователи, не видящие различия /или считающие его несущественным/ между методами критики и публицистики. Действительно, соподчинение методообразующих установок в этих видах деятельности выступает как структурно однотипное. Социально-регулятивный момент в обоих случаях доминирует. Существенное же их отличие состоит в том, что оценка в критике всегда носит эстетический, а в публицистике социально-практический характер.

Критика и наука о литературе максимально сближаются в фокусе эвристической установки, что и является одной из причин отождествления их методов некоторыми исследователями.

Конечно, критика добывает новое знание, но добывает его и сама литература, а не только наука. Важно при этом учитывать качественное своеобразие этого знания. Цель всегда соотносима со средствами деятельности. Познавательная же установка метода кри-

тика нетождественна познавательной установке метода ученого-литературоведа. Целью литературно-критического суждения является непосредственное влияние на литературный процесс /во всех его взаимосвязанных элементах/, целью же науки о литературе - объяснение, истолкование, выявление сложных причинных связей и закономерностей. Конечно, влияние на литературный процесс осуществляется и таким образом, но уже опосредованно.

Это свидетельствует о специфичности критического метода и позволяет сделать вывод, с одной стороны, о несовпадении его ни с художественным, ни с научным методами, с другой, - о диалектической взаимосвязи между этими методами.

Методологические принципы изучения и оценки художественного произведения представляют собой сложную /нерасчленимую в практическом применении/ систему - единый комплекс гносеологических требований, вытекающих из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории. Среди них доминирует принцип партийности, пронизывающий литературно-критический анализ на всех уровнях. Основополагающее значение его проявляется и в художественном творчестве, и в науке о литературе, и в литературной критике. Однако, учитывая специфичность соподчинений составляющих в структуре литературно-критического метода, необходимо определить особенности выявления всеобщего принципа партийности в литературно-критической деятельности.

Опираясь на работы ряда исследователей /М.А.Дзеврина, М.Г.Зельдовича, Б.А.Кислова, А.Б.Когана, Ю.Б.Кузьменко, Г.И.Куницына, Д.Тота и др./, которые изучали особенности применения принципа коммунистической партийности в литературно-критическом анализе, диссертант рассматривает данный вопрос неотделимо от целостной теоретической концепции литературно-критической деятельности.

Несомненно, что как в художественном творчестве, так и в литературной критике следует учитывать два важнейших момента. Во-первых, органичное единство принципа партийности на идеологическом и социально-психологическом уровнях, т.е. реальное подтверждение этого принципа не на словах, а в конкретных поступках человека. Во-вторых, обязательность диалектической взаимосвязи литературы и политики на стратегическом /преданность коммунистическим идеалам/ и конкретно-изменяющемся /умение ставить и решать актуальные, качественно новые проблемы социокультурной жизни общества/ уровнях.

Принцип партийности в художественном творчестве выявляется по преимуществу опосредованно: через образную систему, а в литературно-критической деятельности - в наибольшей мере непосредственно: через оценочное литературно-критическое суждение. Но деятельность и писателя, и критика опирается на эстетическую перцепцию, всегда являющуюся решающей именно для творческой, и художественной, и критической деятельности. И потому как бы глубоко ни осознавал писатель взаимоотношения классов и как бы ни был он последователен в отстаивании интересов передовых общественных сил - вне способности к эстетическому отражению действительности его позицию, как художника, нельзя назвать по-настоящему партийной, поскольку она в таком случае находится вне сферы образного поиска истины. Партийность же критика выявляется не только в точности и четкости социальной оценки, но и в эстетической полноте восприятия художественного произведения.

Органичность принципа партийности в эстетической концепции критика выявляется в постоянном учете конкретно-изменяющегося момента в понятии партийности /разумеется, стратегический момент остается неизменной, обязательной предпосылкой коммунистической партийности как идейно-эстетического качества/. Скажем, в 20-е годы вопрос стоял так: надо видеть в каждом литературно-художественном явлении ростки нового, революционного мировосприятия и, не забывая о важном критерии художественности, все-таки прежде всего поощрять творческие усилия авторов. Порой это вызвало эстетические "издержки", но в определенной степени способствовало делу идейно-эстетического воспитания масс. Сегодня же такого рода литературно-критическими утверждениями удовлетвориться никак нельзя.

В диссертации сравнивается подход критики 20-х годов к оценке художественно несовершенных, но идеологически верно направленных произведений с применением современной критикой принципа партийности в оценке литературного процесса 80-х годов, когда агитационным пафосом искусства слова ни в коей мере не может подменяться углубленное исследование жизни. Рассматривается специфика проявления принципа партийности при обсуждении критикой ряда сложных явлений современной литературы /в частности, повести Е. Гуцало "Двое на празднике любви"/. Прямолинейность отдельных критических суждений по поводу названных произведений свидетельствует о трудностях конкретного соблюдения единства принципа партийности на

идеологическом и социально-психологическом уровнях.

Рецидивы упрощенного восприятия литературы, не имеющие ничего общего с адекватным применением принципа партийности в идейно-эстетическом анализе художественного произведения, обуславливаются прежде всего неумением диалектически взаимодополнять стратегический и конкретно-изменяющийся моменты в соотношении политики и литературы. При этом идеологичность оценок является нервом литературно-критической деятельности, но если в художественном творчестве сознательная и открытая защита писателем идеалов своего общества проявляется посредством эстетического воздействия, то в критике эта защита выражается непосредственно, но только при условии адекватного эстетического восприятия.

В "Заключении" подводятся итоги, формулируются главные выводы и результаты исследования.

Диссертант считает, что литературно-художественная критика является особым видом творческой деятельности, которой присущи свои внутренние закономерности, свои способы познания и преобразования действительности. Критика как социальный институт зародилась еще во времена интенсивного формирования фольклора, в древних культурах. Однако вплоть до XVI века, т.е. до появления периодических печатных изданий, она в основном функционировала в весьма специфических, можно сказать, внешне скрытых формах, во многих случаях - вообще латентно. Это отнюдь не ставит под сомнение наличие самого социального института критики, ибо любой социальный институт представляет собой своеобразную "ненаполненную структуру", по-своему заполняемую в каждую эпоху.

Весьма важным при этом является то, что сама критика имеет двустороннюю направленность. Во-первых, она представляет интересы искусства в обществе, во-вторых, требования общества к искусству. И именно в этой двуаспектной роли она выступает как важный фактор социально-обусловленного литературно-художественного развития.

Понимание критики как частного проявления коммуникативно-прагматического /практического/ вида мышления позволяет на монистической основе объяснить многоаспектность и разнонаправленность литературно-критических суждений, проникновение их и в науку о литературе, и в саму литературу, и в публицистику.

Познавательный потенциал литературно-художественной критики весьма своеобразно проявляется в результате осмысления и корректи-

ровки литературного процесса. Поскольку критика является одним из видов социально-преобразующей деятельности, она специфическим образом – путем активного воздействия на литературный процесс – приходит к познанию закономерностей и особенностей развития литературы.

Реальное бытие литературно-художественной критики позволяет установить систему ее функций, где доминирует социально-регулятивная, осуществляющаяся, однако, только во взаимодействии с эвристической и эстетико-аксиологической функциями. Критический же метод выступает как аналог структуры самого критического произведения. Здесь функции критической деятельности трансформируются в методологические установки.

Особую значимость, в связи с доминирующей ролью социально-регулятивной функции, в критическом методе приобретает принцип партийности, понижающий буквально все уровни анализа и оценки. Но, в отличие от принципа партийности в других видах идеологической деятельности, в литературно-художественной критике он специфичен вследствие обязательности эстетического восприятия анализируемого явления.

Построенная в диссертации теоретическая "модель" критики отражает, по мнению автора, комплекс внутренних закономерностей и внешних связей, присущих этому виду творческой деятельности. Сама эта "модель" дает представление о специфике социального института, однако не предопределяет качественные характеристики литературно-критических суждений в каждом конкретном случае. Это зависит от множества факторов, влияющих на функционирование критики в обществе, на ее социальную действительность, эстетическую направленность и научную значимость. Именно такого рода актуальные методологические задачи остро стоят на современном этапе и продуктивное решение их возможно только при аутентичном понимании природы, функций и метода литературно-художественной критики.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Силовое поле критики. - Киев: Рад.письменник, 1984. - 12,77 а.л. - /на укр.языке/.

Рецензии:

Друг читача, 1985, 2 февр.; Дніпро, 1985, № 2; Радуга, 1985, № 4; Літ.Україна, 1985, 16 мая; Вітчизна, 1985, № 7; Рад.літературознавство, 1985, № 12; Жовтень, 1985, № 12; В кн.: Літературно-критичний огляд. Рік'84. Київ, 1985, с.176; В кн.: Українська література сьогодні. Київ, 1985, с.86; Вопросы литературы, 1986, № 1.

2. Критика в современном литературном процессе. - Киев: Знання, 1985.- 2,8 а.л. - /на укр.языке/.

3. Специфика и функции литературно-критической деятельности.- Киев: Наукова думка, 1986. - 11,37 а.л. - /на укр.языке/.

Рецензия:

Молода гвардія, 1986, 5 апреля.

4. Активность критической мысли. - Літ.Україна, 1974, 21 ноября /на укр.языке/.

5. Единство научного и художественного. - Жовтень, 1975, № 1, с.120-128 /на укр.языке/.

6. Когда говорят вслух...: /Журнальная рецензия: проблемы методологии и мастерства/. - Прапор, 1975, № 6, с.86-94 /на укр.языке/.

7. Температура дискуссии. - Жовтень, 1976, № 4, с.142-146 /на укр.языке/.

8. Критика как социальная деятельность.- Українська мова і література в школі, 1976, № 5, с.87-89 /на укр.языке/.

9. Критика как практическое мышление. - Прапор, 1979, № 3, с.119-128 /на укр.языке/.

10. Партийность эстетической позиции критика. - Рад.літературознавство, 1980, № 11, с.11-24 /на укр.языке/.

11. Литературная критика. - В кн.: Українська советська енциклопедія. Київ, 1981, т.6, с.112-113.

12. Значимость критического слова. - Прапор, 1982, № 2, с.113-114 /на укр.языке/.

13. Движение интерпретации и литературная критика. - Рад.літературознавство, 1982, № 6, с.66-68 /на укр.языке/.

14. Полифонизм критического мышления.- Українська мова і література в школі, 1982, № 12, с.14-22.

15. Критика - призвание и судьба.- В кн.: Проблемы. Жанры. Мастер-ність.- Киев, 1982, вып.7, с.77-94 /на укр.языке/.
16. Критическое мышление пародиста.- Вітчизна, 1983, № 4, с.193-197 /на укр.языке/.
17. Массовость или приближение к "критической массе"? - Київ, 1983, № 7, с.127-131 /на укр.языке/.
18. Критика как мышление. - Рад.літературознавство, 1983, № 10, с.16-26 /на укр.языке/.
19. О выражении принципа партийности в критике /Социально-психологический аспект/. - В кн.: Питання соціалістичного реалізму. Киев, 1983, вып.7, с.88-115.
20. Критика в системе публицистики.- Рад.літературознавство, 1984, № 1, с.75-76 /на укр.языке/.
21. Критика в системе эстетики.- Філософська думка, 1984, № 3, с.124-126 /на укр.языке/.
22. Из истории функционирования книги.- Рад.літературознавство, 1984, № 12, с.68-69 /на укр.языке/.
23. Критика как мышление и деятельность.- Русская лит., 1984, № 4, с.70-84; То же.- В кн.: Література і сучасність. Киев, 1985, вып.18, с.24-43 /на укр.языке/.
24. Леонид Новиченко.- В кн.: Письменники Радянської України. Киев, 1984, вып.11, с.160-176 /на укр.языке/.
25. Ценность общественная и художественная.- Коммунист Украины, 1985, № 2, с.92-94 /в соавт./.
26. Эстетика - литературоведение - литературная критика.- В кн.: Сучасна наука про літературу: Деякі методологічні аспекти. Киев, 1985, с.138-194 /на укр.языке/.
27. Доминанты критической концепции.- Прапор, 1986, № 2, с.171-173 /на укр.языке/.
28. Уроки "реальной критики". - Дніпро, 1986, № 2, с.107-110 /на укр.языке/.